

Зачем я уже в который раз зову читателей «Химии и жизни» в далекие мифические края? Что там может быть полезного для трезвомыслящего и очень занятого человека XXI века? Сам я пускаюсь в эти странствия потому, что убежден: мифы и сказки — это прежде всего изложение представлений древних об окружающем мире. А мир этот был удивительно цельным — в нем всему находилось свое место, и каждый человек был его неотъемлемой частью. И пусть свои представления наши предки облекали в непривычную для нас форму, они задумывались об очень сложных вещах — таких, например, как возникновение порядка из хаоса (а ведь в современной физике понятие энтропии появилось не так уж давно). Мораль общества произрастала в те времена из законов природы, что давало неведомое нам душевное равновесие в самых тяжелых жизненных ситуациях.

Не случайно древние ценили знание очень высоко. Обладание им надо было заслужить, — видимо, устройство мира открывали только тем, кто успешно прошел цикл испытаний. Много, однако, закладывали и в восприимчивый детский ум в виде мифов и сказок — иногда прекрасных, порою страшных. Жрецам оставалось лишь объяснить прошедшим испытания, что символизируют знакомые им с детства Змей, Баба-яга или Кощей. Жрецы, эти психологи древности, поработали на славу — даже после тысячи лет господства христианства сказки помнят и любят. Но какое же тайное знание они несут в себе?

Мы оказались сейчас в положении, очень похожем на то, в котором находились герои рассказа Конан Дойла «Обряд дома Месгрейвов». Хозяйка старинного дома из поколения в поколение передают друг другу странный набор вопросов и ответов, считая их бессмысленным ритуалом. Оказывается, однако, что это описание места, где зарыт клад. Из поколения в поколение отцы заставляли своих наследников заучивать вопросы и ответы наизусть, а тайну открывали им только перед смертью. И хотя кто-то умер, не успев открыть сыну тайный смысл ритуала, герой рассказа все-таки находит ключ к решению загадки, призвав на помощь логику. Вот и мы попробуем пойти тем же путем и постараться разобраться в том, кто, зачем и как умудрился убить бессмертного царя Кощея.

Путешествие в царство Кошьюное

А.Мехнин

«Птице-человеко-растение» на изделии скифов

История образа Кощея чрезвычайно темна.
А.И.Никифоров

После обстоятельного рассказа о Змее Горыныче («Химия и жизнь», 2000, № 1) и Бабе Яге («Химия и жизнь», 2001, № 3) написать о главном отрицательном герое русских сказок просто необходимо. Хотя, собственно говоря, чем он так плох? Увел невесту у главного положительного героя? Ведь иных проступков за ним обычно не числится! Откуда же эта репутация абсолютного злодея, которого опасаются даже «соратники» — Баба Яга со Змеем Горынычем?

Биографию Кощея русские сказки замалчивают. Мы знаем только, что он — повелитель «тридесатого царства», которое помещали в подземных или северных — темных и холодных — краях (см. «Химия и жизнь», 2001, № 12). Считалось, что там укрылись языческие боги, — об этом прямо говорит древняя летопись, которая повествует о том, что после насильственного крещения Новгорода идол Перуна скинули в Волхов и река понесла его на

РАССЛЕДОВАНИЕ

«Птичеловек»
с острова Пасхи

север: «И плы из света во кошное, сиречь во тьму кромешную».

Из этой фразы понятно становится значение слова «кошный» (кошный) — ныне забытое, оно означало когда-то «скрытый», «темный». Ну что ж, лучшее определение для подземного мира и его хозяина и вправду трудно подобрать. Но хотя ученым-филологам, как правило, многое удастся узнать, анализируя происхождение того или иного слова, от загадочного слова «кощей» отходит слишком много совершенно разных ниточек — не путеводный клубок получается, а запутанный узел.

В древнерусском языке слово «кощей» означало «раб», «пленник». Не в этом ли дело? Ведь многие сказки начинаются с того, что Кощей закован в цепи и сидит под замком. Но с другой стороны, вроде и связь со словом «кость» просматривается, и с понятием «кошунство», а дальше мы увидим и другие «ниточки». Где их начало, где конец — поди разбери! Любит наш народ такие слова. Взять того же Змея Горыныча: в некоторых версиях сказок (вероятно, поздних) его селят в горах, но знакомство с ближними родичами персонажа — огненными змеями — убеждает, что «Горыныч» он — от слова «гореть». Так что давайте попробуем приглядеться и к Кошеевой родне.

В некоторых сказках Кощей — невзрачный с виду старичок. «Сам с ноготок, борода с локоток, а усы семь четвертей», но сил у него немало. Обитает бородач где-то под землей — «вроде колодцу такое провалишшо». Там томятся девицы и хранятся бочки с живой и мертвой водой. При знакомстве с таким персонажем специалисту по Древней Руси поневоле бросается в глаза сходство Кощея с одним из русских языческих богов — Велесом (Волосом).

Как и Осирис древних египтян, он был и царем мертвых, и богом плодородия. Как и Осириса, Волоса, судя по всему, отождествляли с растением (растения считали волосами на огромном теле Земли). Еще в XIX веке крестьяне оставляли на сжатом поле пучок колосьев — «Волосу на бородку».

И на этом параллели Волоса с Кошеем не заканчиваются. По мнению

Б.А.Рыбакова, слово «кош» имело прежде такие значения, как «жребий», «судьба», — то есть олицетворяло то, чем распоряжался бог смерти. Но имело оно и другой смысл — «достаток», «урожай» (отсюда современные слова «кошель» и «кошелка») — с этими понятиями больше сочетается образ «сельскохозяйственного» бога. Впрочем, для наших предков-крестьян все эти понятия соприкасались друг с другом почти вплотную — судьба напрямую зависела от достатка, достаток — от урожая.

Интересно, что и Кощей, и Волос при ближайшем рассмотрении оказываются сродни Вию. Кто не помнит знаменитые веки Вяя, которые он не может поднять самостоятельно? Между тем в одной из сказок Кощею поднимают тяжелые брови семью вилами. Христианский «заместитель» Кощея, святой Касьян (не секрет ведь, что многих христианских святых наделили на Руси чертами, характерными для того или иного языческого персонажа), «не видит божьего свету» из-за длинных ресниц. И видимо, не случайно многое в облике Вяя, покрытого землей, наводит на мысль о растении — даже само имя, как можно предположить, имеет общий корень со словом «виться». К тому же церковь, где появился Вий, скрывается впоследствии под буйной растительностью.

В мифе о Кошее Бессмертном можно найти следы древнейшего земледельческого сказания об умирающем и оживающем зерне.

А.Асов

Многое может показаться надуманным и ошибочным в книгах А.Асова, но здесь он, похоже, попал в точку. Кощей действительно очень напоминает нечто растительное — например, чтобы обрести силу, он много и жадно пьет. В одной из сказок герой обнаруживает Кощея в котле, стоящем на огне, откуда тот жалуется на коварную жену: «Сумела меня с перьвой ноци стiapать в котел и закрыть крышкой».

Растительная сущность персонажа проявляется постоянно: разве сказали бы иначе о Кошее наши предки, что, упав с коня, он «разсыпався дробней горнаго маку» или «разбился в мас-

ло»? Умиравшие и воскресающие боги, олицетворяющие растения, есть практически во всех земледельческих культурах. Знаменитый этнограф Дж.Фрэзер написал о них целую книгу — «Золотая ветвь». Есть среди этих богов и такие, кто, подобно Кощею, принимает смерть от коня.

Язычники — народ последовательный. Назвался груздем — полезай в кузов, выбился в вожаки, приблизился по своим возможностям к богу, так и получай все, на что боги обречены, — не только хорошее. Если с богом отождествляется реальный правитель — участи его не позавидуешь: надо умереть и возродиться, а умереть даже помогут. Ведь этот человек — воплощение жизненных сил всей природы, а коли так, то, чтобы обеспечить изобилие своему народу, он должен быть всегда бодрым и полным сил. Ежели правитель стареет, его надо срочно менять, а то как бы всем худо не стало.

Народная мудрость придумала много способов оценки состояния чело-

Рисунок на роге из славянского могильника.
В центре сюжета — гибель Кощея от собственной стрелы

века, которого считали воплощением бога плодородия. Иногда все решал поединок. К примеру, каждый год самый сильный воин Гавайских островов метал копье в царя, который должен был поймать его рукой. В других странах решающую роль играли жалобы жен: сдает, мол, повелитель... Как тут не вспомнить недовольство пленницы царя Кощея, которая находит в итоге уязвимое место своего повелителя и рассказывает молодому и пригожему избавителю про яйцо, несущее Кощею смерть?

Яйцо как символ роковых событий, приводящих к смене правителя, упоминается не только в сказках. Вот что пишет, к примеру, в своей книге Фрэнсер об обычаях некоторых африканских племен: «Когда народ недоволен правлением... он посылает к царю посольство, которое уверяет его, что бремя царства его утомило, что теперь ему самое время отдохнуть от забот и немного выспаться. Полномочия посольства удостоверяются яйцами попугаев, приносимыми в подарок царьку. Монарх благодарит подданных за проявленную заботу, удаляется в свои покои как бы на отдых и там отдает женам приказ задушить себя. Приказ немедленно приводится в исполнение. После этого на трон вступает сын покойного...»

А чуть ниже описан другой вариант того же обычая: в этом случае правителю приносят не яйцо, а глиняный слепок ноги его сына. Это уже более понятный знак: «ты уже стар, твой сын должен сменить тебя». Ну а что же русские былины о Кошее? Есть ли в них мотив противостояния отца и сына? Как ни странно, да: в былинах противника Кощея иногда выдает отчество — Касьянович.

Верховная власть часто не передается по наследству, а достается тем, кто выполнил необходимые условия.

Дж. Фрэнсер

Понятно, что не всегда «может и сын героем стать, если отец герой». Быть «Касьянычем» для вступления на престол вовсе недостаточно: нужно еще доказать, что ты превосходишь отца и достоин занять руководящий пост. Древние русичи были куда

демократичнее своих потомков, которые постепенно ввели правило передавать власть по наследству без всяких испытаний. А в прежние времена древляне, убившие князя Игоря, предлагали вдовой Ольге: «Наши князи добри суть... поиди за князь наш за Маль». Они искренне считали, что княгиня только выиграет — ведь ей достанется муж, превосходящий прежнего!

Это мировоззрение нашло отражение и в русских былинах: здесь девицы-красавицы зачастую симпатизируют именно победителю, даже если таковым временно оказывается Кощей. В расчет идет близость к княжескому трону, но логика при этом — не придерешься: раз многого добился, значит, самый достойный. Сказочный герой, впрочем, тоже стремится к женьтибе не на ком-нибудь, а на царевне (королевне), объясняя это тем, что она-де — самая красивая.

И все-таки иной раз подлинный мотив — борьба за трон — проступает в былинах и даже сказках вполне отчетливо. Сколько раз встречается в них сюжет, когда любимая и поначалу верная супруга вдруг теряет интерес к своему мужу, стоит только ему сделать промашку! Да и появление на горизонте более перспективного кандидата в мужья тоже часто отражается на ее благосклонности к супругу. А в одной сказке победитель Кощея «стал жить, поживать да добра наживать» у

трех (!) Кошеевых дочек — ни больше, ни меньше. Ислам, похоже, принял — лишь бы владение не делить.

Но борьба борьбою, а надобно и меру знать. Жить только поединками нельзя. К чему это приводит не в сказке, а на деле, хорошо описано все в той же книге «Золотая ветвь». Были, оказывается, в истории человечества народы, у которых правителем мог стать любой, кто победит правителя нынешнего. Книга начинается с описания античного царства вокруг озера Неми, в современной Италии.

У озера была священная роща, посвященная Диане — богине лесов. «В священной роще росло дерево, и вокруг него весь день до глубокой ночи крадущейся походкой ходила мрачная фигура человека. Он держал в руке обнаженный меч и внимательно оглядывался вокруг, как будто в любой момент ожидал нападения врага». Этой мрачной фигурой и был царь! Интересно, что претендент на царство должен был не просто победить противника, но, главное, сломать одну из ветвей дерева, — очевидно, и в этом случае правитель отождествлялся с растением. Но желающих стать таким царем было немного.

Более живучим оказалось общество, где поединки были ритуальными. Например, жители острова Пасхи стремились первыми обнаружить гнездящуюся птицу. Появление первого гнезда с яйцами означало наступление нового года, нового цикла полевых работ, нового витка жизни. Добывший (с помощью слуги) первое яйцо на весь год получал почетное звание птичеловека, — видимо, считалось, что яйцо снес он сам, лично обеспечив тем самым начало нового года.

Может, сказки о Кошее — отголоски подобных ритуалов? Чтобы сместить старого, закосневшего правителя, надо было опередить его в поисках яйца. Самый простой и, пожалуй, исходный вариант знакомого нам с детства описания «условий соревнования» звучит так: «На этой горе стоит дуб, на этом дубу есь гнездо, в этом гнезде есь Кошшея Бессмертна яйцо...» Уж не предполагали ли наши предки, что Кощей откладывает яйца и хранит их в далеком гнезде?

Изображение на изделии древней трипольской культуры

РАССЛЕДОВАНИЕ

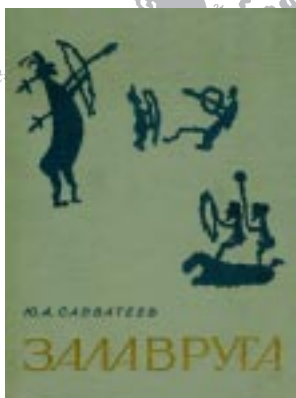
Похожий сюжет есть среди рисунков на скалах Залавруги (см. «Химия и жизнь», № 10, 2000), которые датируют вторым тысячелетием до нашей эры. Здесь стрелы вонзились человеку в спину и голову, но, несмотря на тяжелые раны, он стреляет из лука. Скорее всего, на этом рисунке одновременно изображено и действие — выстрелы из лука, и результат — стрелы попадают в самого человека, поскольку других фигур стрелков поблизости нет.

Если же заглянуть еще дальше в глубь веков, то окажется, что у Кощея есть даже более известные и влиятельные родичи. Он, как ни странно, сродни тем великанам, из тел которых создавалась Вселенная: скандинавскому Имиру, индийскому Пуруше. Подобная фигура есть на изделии древней трипольской культуры (3–4 тыс. лет до нашей эры), которая, как считают археологи, создавалась предками славян. Эта фигура соответствует уже знакомому нам описанию Кощея, и особенно характерны здесь прижатые друг к другу колени.

Как и упомянутые великаны, Кощей обычно гибнет, распадаясь на части. Казавшееся безобидным яйцо, словно граната, разрывает Кощея на куски: «Дробен мак, а Кощей ящо дробней порвало!» Как мы помним, такая же смерть ждет его и при падении с коня. Есть немало свидетельств тому, что, подобно скандинавам и индусам, наши предки считали, будто мир сотворен из тела божественного великана. «Голубиная книга» повествует об этом так:

*«А и белой свет — от лица Божья,
Солнце праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утренняя и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!»*

Не в этом ли разгадка бессмертия Кощея? Он исчез как личность, но сохранился в виде вечной Вселенной, а смерть его дала жизнь всем прочим живым существам.

Петроглифы Залавруги

Образ хищной птицы, коршуна или грифа поневоле встает перед глазами, когда сказочник описывает прилетевшего домой Кощея — «старого, худого, высокого, длинноногого, горбоносого, а колени были вместе. И подходит он на полусогнутых ногах к Прекрасной Светлане». Можно вспомнить и то, что святого Касьяна изображали на иконе «с большими глазами и длинным носом».

Перейти от «птичьего» образа Кощея к образу Кощея-растения нашим предкам оказалось не так уж трудно. Достаточно было чуть упростить условия задачи — добыть не само яйцо, а только ветку от растущего на горе дуба. Видимо, образ Кощея-растения оказался земледельцам ближе.

Дуб, где вьет гнездо Кощей, — это символ мирового дерева, оси мира. А гора, на которой дуб растет, — знаменитая гора на полюсе. Этот древнейший образ сохранился во многих легендах в разных уголках земли. Так что речь в старой сказке, которую каждый народ видоизменял потом на свой лад, идет о судьбах всего нашего мира.

*Рождается новая жизнь —
и в этот (и только этот!)
момент Кощей-смерть умирает.
Е.М. Неелов*

Герой вовсе не стремится уничтожить яйцо, как победитель змей — мангуст Рикки-Тики-Тави из сказки Киплинга. Обычно он сжимает его или бьет — иногда о лоб Кощея. Но в архаичных представлениях славян «бить»

означало «оплодотворять». Именно поэтому на Пасху легонько бьют яйца — дабы поддержать весеннее возрождение мира. Ведь Вселенная представлялась нашим предкам подобной яйцу: «Скорлупа аки небо, плева аки облацы, белок аки вода, желток аки земля».

Науки с мудреными названиями «термодинамика» и «синергетика» заменили образ Кощея Бессмертного понятием энтропии, которая характеризует степень неупорядоченности и хаоса. Как и наши предки много тысячелетий назад, ученые поняли — энтропия Вселенной растет, хаос готов поглотить мир. И только в развивающихся живых организмах энтропия уменьшается. Поэтому безобидное с виду яйцо способно и Кощея победить, и энтропию уменьшить.

Похоже, наши предки праздновали смерть Кощея и обновление мира каждый год: весной, когда дарили друг другу яйца и сжигали соломенное чучело. Ведь в некоторых странах это чучело делали из последнего снопа прошлого урожая — той самой «бородки Волоса».

Не случайно, видимо, противником Кощея в одной из былин становится Иван Годинович. Ежегодное возрождение жизни противопоставляется здесь закосневшему Кощею. Характерно при этом, что гибнет он тем не менее не от рук героя былин, а от собственной стрелы. По мнению академика Б.А. Рыбакова, именно этот сюжет запечатлен на роге из славянского могильника языческих времен: Кощей изображен здесь с луком в руках и одна из пущенных им стрел летит в его же спину.

